

ДЖИН ЛИТЛ

Неуклюжая
Анна

Художник Наталия Кондратова

Москва
«ЛАБИРИНТ ПРЕСС»
2021

ГЛАВА I

ПЕСНЯ ДЛЯ ГОСПОДИНА КЕПЛЕРА

— **Т**олько бы это был папа, — отчаянно шептала Анна, пытаюсь открыть тяжёлую дверь. — Только бы это был он!

Помчаться бы сейчас вниз, но ступеньки такие неровные. Она уже не раз падала с них вверх тормашками — весьма неподобающий способ встречать папу, приземлившись к его ногам с кучей свежих синяков. Добравшись до подножия лестницы, девочка побежала — вот она уже совсем близко, это и в самом деле он.

— Папа, папа, — обхватив отца за талию, прямо повиснув на нём, восторженно завопила Анна и тут же отпрянула назад. Она, Анна, никогда не хватала людей вот так, прямо посреди улицы, где каждый мог видеть. Но папа уронил портфель, крепко обнял дочь, и сразу стало ясно — пусть целый свет видит, ему и дела нет.

— Отпусти, отпусти. Ты мне кости переломашь, — наконец с трудом выдохнула Анна.

Он рассмеялся и разжал руки. Девочка тут же кинулась поднимать портфель и обтирать его подолом платья, чтобы вернуть папе чистым. Пришлось низко склонить голову, чтобы отец не заметил, как она вся сияет — ей удалось его встретить, он так крепко её обнял. Но папа всё равно догадался, большой ладонью поймал её ладошку, и вот, рука в руке, они направились к дому.

— А где все остальные? — спросил отец.

Анна нахмурилась. К чему это всегдашнее беспокойство о старших братьях и сёстрах? Ясное дело, папе невдомёк, что из-за остальных Анне никогда ещё не удавалось встретить его одной. Гретхен или Руди, Фриц или Фрида, а то и все четверо всегда оказывались рядом.

4 — Они перессорились из-за того, что сегодня случилось в школе, — объяснила девочка. — Но я сидела на подоконнике и заметила тебя издали.

Она старалась передвигать ноги как можно медленней, ей хотелось подольше побыть с ним вдвоём.

— А что случилось в школе? — спросил отец и отпустил её руку. Они остановились — папе хотелось узнать, в чём дело. Сама того не замечая, Анна потянулась и дёрнула себя за хвостик тоненькой косички. Она так часто делала, когда волновалась.

— Не надо, Анна, — попросил папа. — Сейчас расплетётся.

Но было уже поздно. Девочка взглянула на зажатую в кулаке мятую ленточку. Как часто мама

умоляла её оставить волосы в покое. Как часто она про это забывала.

— Может, мне удастся поправить дело, — предложил папа. — Давай, во всяком случае, попробуем.

Анна повернулась спиной и через плечо протянула папе ленточку. Тот неловким движением попытался поймать разваливающийся хвостик косички. Да, мама права, это действительно трудно. Прядки волос ускользали из рук. Наконец Анна зажала конец косички, и папе удалось завязать кривоватый бантик где-то в серединке. Результат ему не понравился. Он даже не попытался переплести косичку, и теперь волосы совершенно запутались. Анна не хуже него знала, что получилось, но ей было всё равно. Даже только что заплетённые мамой косички держались недолго, не то что гладкие, блестящие, толстые косы Гретхен.

— Ты спросил про школу, папа, — напомнила Анна.

Папа тут же забыл про её волосы.

— И что же там случилось?

На мгновение Анна задумалась. На самом деле история была не её, а Гретхен, но у Гретхен и у всех остальных всегда было полным-полно историй. Ей, Анне, нечего рассказать, кроме того, как трудно приходится в классе у фрау Шмидт. Как бы там ни было, Гретхен сама виновата — не уследила, что папа уже пришёл.

— Мы все собрались в актовом зале, — Анна с головой нырнула в рассказ. — Мы всегда собираемся в актовом зале перед началом уроков и что-нибудь поём. Нам разрешается выбрать пару песен. Старшим детям разрешается. Сегодня утром была очередь Гретхен выбирать, и она попросила спеть «Мои мысли так вольны». Вся школа знала слова, кроме самых маленьких. В моём классе я одна знала все слова.

Она на минутку замолчала, гордая тем, что знала слова; ей припомнился день, когда папа научил её этой песне — ей то-

гда было только пять. Он объяснял значение каждого слова, покуда она не поняла, а потом они вышагивали вместе, распевая «Мои мысли так вольны»*.

— И что же случилось? — снова переспросил папа.

— Понимаешь, господин Кеплер... Помнишь, папа, он теперь новый директор школы, его прислали, когда господин Якобсон ушёл.

* «Мои мысли так вольны» („Die Gedanken sind frei“) — немецкая народная песня протеста, известная с XVI века, была запрещена в нацистской Германии.

Папа кивнул и помрачнел. Они с господином Якобсоном были друзьями и всегда играли вместе в шахматы. Но три недели тому назад господин Якобсон уехал в Америку.

— Господин Кеплер сказал: «Мы больше эту песню в школе петь не будем». Фрейлейн Браун уже начала играть вступление, и никто не знал, что делать. Гретхен всё ещё стояла, она густо покраснела и громко спросила: «А почему?» Она ужасно храбрая, папа. Все боятся господина Кеплера. Руди говорит, что не боится, но он просто врёт.

— И что же господин Кеплер ответил Гретхен?

Вопрос прозвучал так сердито, будто папа знал ответ заранее.

— Он ей ничего не ответил, — продолжала Анна. Ей самой это было удивительно. — Я хочу сказать, он ничего не объяснил. Просто взглянул на неё и скомандовал: «Садись». — Анна попыталась изобразить резкие интонации директора.

— Руди сказал, что господин Кеплер, наверно, просто не любит эту песню, и тут нет ничего особенного... — голос девочки замер на полуслове.

— И что же вы вместо этого пели? — спросил папа и медленно двинулся к дому. Он уставился в землю и не смотрел на дочь.

— «Германия, Германия превыше всего»*.

* «Германия, Германия превыше всего» — строка из гимна нацистской Германии.

Они были уже у самого дома. Возможность побыть вдвоём подходила к концу. Плечи девочки поникли.

Тут отец внезапно откинул голову и начал петь:

— Мои мысли так вольны,
Мои мысли так сильны,
Их учёный не узнает,
Их охотник не поймает,
Так свободны и вольны,
Так привольны и сильны.

8 Как это господину Кеплеру не нравятся такие слова? И мелодия? Песня разносилась по тихой улице. Анна присоединилась ко второму куплету. Как и папа, она пела во всю мочь, стараясь, чтобы каждое слово было отчётливо слышно:

— Мои мысли так свободны,
Неподвластны, благородны,
С чистой совестью в согласье,
Право мыслить — моё счастье.

Тут Анна услышала, что они приближаются — Руди мчится, перескакивая через ступеньки, за ним торопится Гретхен, близнецы катятся с лестницы вслед за старшими. И вот уже все четверо подхватывают:

больна, Минне только-только удалось её уложить. И вообще, о чём ты думаешь, поднимая такой шум?

Но они уже были наверху. Папа обхватил маму за талию и поцеловал, да так, что она вся вспыхнула. Он смеялся, хотя ему было жалко малышку Труди — он совсем не хотел её будить. Но в квартире внизу не хныкал разбуженный младенец — значит, всё в порядке.

— Последний разочек, Клара, — объяснил он. — Всего одна песня для господина Кеплера, который пока не может мне запретить петь с моими детьми.

— Что за чепуху ты говоришь? — рассмеялась мама, освобождаясь из объятий.

— Анна тебе всё рассказала! — завопила Гретхен.

Анна не подымала глаз, но всё равно была ужасно счастлива, что папа узнал новости от неё.

— Да, Анна мне рассказала, — папин голос внезапно зазвучал грустно и устало. Веселье закончилось.

— Но это ведь ничего не значит, папа? — спросил Руди.

